

ФИЛОСОФИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI10.17805/zpu.2017.4.6

Глобализация и модернизация: фактор культуры*

В. Г. ФЕДОТОВА

Институт философии Российской академии наук

Статья посвящена анализу фактора культуры в национальных моделях модернизации незападных стран. Самое появление не сходных, а различных — адекватных культуре стран (Китай, Вьетнама, Сингапура, России и пр.) моделей рассмотрено как следствие глобализации, которая не смогла преодолеть культурные различия обществ. Это в значительной мере отменило первоначальную трактовку модернизации как догоняющей Запад модели. Этот же процесс поднял на поверхность глубины архаики многих стран наряду с их модернизационными интенциями.

В статье дан краткий обзор модернизационных изменений стран Азии (Китай, Вьетнама и др.). Исследованию России предшествует трактовка модернизации как процесса, который управляется не только прошлым и настоящим, но и будущим. Эта новая интерпретация модернизации как процесса, исходящего из целей будущего развития, содержащихся в культурах разных обществ, теоретически эвристична и практически полезна в теории и практике осуществления модернизационных процессов для разных стран. Ей, по мнению автора, в известной мере соответствует позиция А. А. Аузана и В. М. Полтеровича, состоящая в строительстве «промежуточных институтов» и программ, которые, используя значение культуры, поэтапно могут совершенствовать общества, «глядя из будущего».

Ключевые слова: азиатские страны; глобализация; фактор культуры; модернизация; национальные культуры; социальное развитие; Россия

ВВЕДЕНИЕ

В данной статье рассматриваются социокультурные факторы в качестве значимых компонентов модернизационного процесса. Автор ставит задачу рассмотрения роли социокультурных факторов в развитии для развития незападных обществ, включая Китай, Вьетнам и другие азиатские страны, а также Россию. Проблема является очень трудной, сложной, ее решение может привести к совершенно разным результатам, особенно в случае больших различий социокультурного порядка.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КУЛЬТУРА

Тема модернизации начиная с момента распада СССР, в котором осуществлялась ее социалистическая версия, включающая культурные традиции советского настоя-

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №15-03-00646.

The article was prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 15-03-00646.

щего и российского прошлого — преимущественно их научных и культурных достижений, — в постсоветский период обрела большее значение. Это произошло в связи с тем, что Запад стал более открыт для нашего общества, а модернизация Запада имеет гораздо более продолжительные традиции, чем модернизация России. Первоначальной интенцией России в постсоветский период не была культура или развитие на основе освоения новых для нее многих культурных образцов Запада. *Преобладала идея догоняющей Запад модернизации — неомодернизма*, которую запрашивала страна, вступившая в новый для себя период становящегося капиталистического общества. Этот начальный период был рассмотрен нами в книге «Модернизация “другой” Европы» (Федотова, 1997), где показана, с одной стороны, обусловленность такого этапа поисками нового пути для России, а с другой — его иллюзорность, неадекватность убежденности в том, что мы вскоре станем Западом. Пожалуй, это первый пункт нашего непонимания роли культуры в каждом из обществ. Культура России, отличающаяся выдающимися достижениями, признанными повсюду в мире, не могла быть вытеснена ограниченным заимствованием западной культуры в ее преимущественно социальном и технократическом воплощении для целей модернизации. Прошедшие с того времени события убедили общество в наличии российской специфики и необходимости использовать собственный культурный ресурс, хотя и не отказываться от опыта других стран.

Вторым пунктом надежд стало то, что многообразные страны с различным культурным опытом превратятся в нечто гомогенное и лишенное чуждой для других специфики. Многие люди и многие общества восприняли глобализацию как преимущественно экономический процесс, подчиняющий культуру западным культурным кодам, представлениям, ценностям. Мысль о том, что мир становится единым и целостным, сближаясь в своих идеях и стремлениях (как видели, например, американские исследователи Ф. Фукуяма, Т. Фридман (Фукуяма, 2004; Фридман, 2006) и многие российские ученые и многие жители России), была популярной в начале 1990-х годов.

Третий пункт надежд состоял в том, что люди, не имевшие опыта взаимодействия с другими странами, с иллюзиями воспринимали значение глобализации. Были забыты или неизвестны уроки первой глобализации, длившейся с 80-х годов XIX в. до Первой мировой войны, которая, в отличие от второй глобализации конца XX в. (после распада СССР), была преимущественно экономическим процессом, который не спас мир от конфликтов, приведших к Первой мировой войне. Вторую глобализацию двигали решения правительств ведущих западных стран о развитии глобальной торговли, а также успехи в информационных технологиях. Но поскольку практика глобализации оказалась шире и многообразнее ее экономических целей — формирования глобального рынка, то и ее социальные, политические и культурные последствия оказались различными для разных обществ. *Идеализация глобализации как ведущей к выравниванию мировых различий, включая экономические и культурные, разделяемая в России многими обществоведами, оказалась неосуществленной и неосуществимой.* Глобализация выдвинула своих чемпионов развития, которыми были преимущественно западные страны, но возможностями глобализации успешно воспользовались Китай и некоторые другие азиатские страны, участвующие в глобальном процессе с сохранением собственной идентичности. Даже учась в США, большинство бывших китайских студентов возвращаются домой и работают в Китае. Многие из тех, кто остается в США, часто сохраняют свою китайскую идентичность, что характерно также для многих индусов и других представителей Азии. Однако воспеваемой гомоген-

ности мира не получилось и не могло получиться, за исключением общих образцов массовой культуры и потребительского рынка.

В-четвертых, пренебрежение этническими теориями, теориями наций и теориями цивилизаций таких социальных теоретиков, как Дж. Тойнби, Э. Геллнер, Ш. Айзенштадт, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум и др., привело многих к восприятию глобализации как культурного уравнивателя. Но надежды на гомогенное человечество, на сближение не только экономик, но и культур разделяли не только люди, далекие от науки, но и известные ученые.

Как показали известные американские авторы Д. Хелд, Д. Гольдблатт, Э. Макгрю, Э. Перратон, большинство не увидело столь оптимистически тенденции глобализации, в отличие от тех, кто рассматривал ее как становление единства человечества или как сближение различных обществ, в том числе их культур. В книге «Глобальные трансформации: политика, экономика, культура» они выделили три типа восприятия глобализации: *гиперглобалисты* (те, о ком мы преимущественно и говорили выше), ожидавшие от глобализации чуда выравнивания мира, нового глобального века, конца национального государства и, добавим, до определенной степени стирания национальных культур (Хелд и др., 2004). В качестве направления развития они предполагали становление глобальной цивилизации, а в качестве ее символов называли «Макдоналдс», Мадонну и прочие феномены массовой культуры. Эта точка зрения господствовала в 1990-е — начале 2000-х годов.

Авторами указанной книги была выделена вторая группа делающих глобализацию и изучающих ее. Это — *трансформационалисты*. Им присуще понимание глобализации как формирования беспрецедентной глобальной связи и взаимозависимости всех обществ, но они видят двойственный итог глобализации, заключающийся *одновременно и в гомогенизации, и во фрагментации*. В плане культуры это означает как наличие глобальных культурных потоков, так и сохранение и усиление культурных различий. Эта более сдержанная позиция стала выходить на передний план с начала 2000-х годов.

Третья перспектива — *скептическая* в отношении глобализации. Ее представители рассматривают глобализацию как процесс, который не устраняет региональные блоки и конфликты цивилизаций. По их мнению, продолжают преобладать национальные интересы, власть национальных государств усиливается, и мир может стать даже менее взаимосвязанным, чем в эпоху первой глобализации (там же: 12).

Глобализация вопреки ожиданиям романтиков и гиперглобалистов является противоречивым процессом, который содержит как гомогенизацию, так и гетерогенизацию путей развития, культур и пр., о чем многие исследователи глобализации писали еще в 1990-е годы (Федотова, 2011). Одна из ошибок советского перехода к капитализму состоит в иллюзиях культурного характера, не позволивших увидеть диалектику и противоречивость как глобализации, так и модернизации. Последняя может быть насильственной и легитимной, приглашающей к развитию, догоняющей и осуществляемой на собственной культурной основе. Глобализация продолжается особенно в экономике, торговле, отчасти в образовании и в культурном обмене.

РОЛЬ КУЛЬТУРЫ В МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

По существу, этносы, нации, цивилизации, войдя в новый глобализационный процесс, не потеряли своей самобытности и культурной специфики, а значит, не только первая, но и продолжающаяся сегодня вторая глобализация не могли сделать мир единым. Так, в очень известной книге «Многоликая глобализация. Культурное разно-

образе в современном мире» ее авторы продемонстрировали, что «ответ» той или иной страны на «вызов» глобализации культурно специфичен, т. е. адекватен наличной культуре (Многоликая ... , 2004). В результате ими выявлены четыре сценария — принятие или отрицание глобальной культуры как два противоположных варианта. Например, Германия показана в этой книге как страна, которая в силу отрицания нацистского прошлого отказалась от некоторых традиционных черт немецкой культуры и приняла американскую культуру после Второй мировой войны, ориентируясь на нее. Случай Индии показывает сложность для транснациональных компаний, производящих еду (например, «Макдоналдса»), привлечь внимание индийского потребителя. Иными словами, глобальные потоки западного фаст-фуда здесь отрицаются.

Между этими сценариями располагаются варианты локализации глобальных потоков, т. е. их адаптации к локальным культурным особенностям, а также такой вариант локализации, как гибридизация, совмещающий глобальное и локальное. «Макдоналдс» во множестве мест распространился как раз с помощью локализации, т. е. учета вкусов потребителей в разных странах, предлагая, к примеру, халляльный гамбургер в Турции, кукурузный суп и более перченую еду в азиатских странах. Примером гибридизации может выступить образ китайского бизнесмена — «конфуцианского торговца», совмещающего западные образцы ведения бизнеса с конфуцианской этикой или особенности африканских религий, объединяющих христианство с местными религиозными формами (там же).

Сегодня некоторые страны Азии — и прежде всего Китай и Вьетнам — безусловно относятся к странам, совершающим модернизацию на основе собственных культур. Разумеется, они используют западные достижения — знания, технологии и пр. Большое влияние на эти страны имеет российская культура, издание русской литературной классики и научной литературы российских специалистов; имеются совместные российско-китайские и российско-вьетнамские проекты, в которых культуры разных народов сближаются в понимании друг друга.

Интерес к Китаю чрезвычайно вырос за последние годы. В 2007 г. Дж. Арриги опубликовал свою книгу «Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век». Арриги показал, что Китай ждут такие успехи, которые лягут в основу нового азиатского века (см. переводное издание: Арриги, 2009). В 2010 г. супруги Дж. и Д. Нейсбит выпустили книгу на основании длительного пребывания в Китае и изучения китайских особенностей, которые были названы ими «столпами развития» Китая (Naisbitt J., Naisbitt D., 2010). Перечислим эти столпы в порядке следования друг за другом, которые авторы книги обозначили цифрами: освобождение разума; баланс векторов «сверху вниз» и «снизу вверх»; высаживание деревьев: «пусть растут леса»; вброд через реку, нащупывая камни; художественная и интеллектуальная подпитка; присоединение к миру; свобода и справедливость; от олимпийского золота к Нобелевским премиям. Все эти метафоры показали чрезвычайные успехи Китая и его устремленность к развитию.

В Китае глобализация воспринята как способ модернизации страны (Федотова, 2016). Поэтому обсуждение глобализации неразрывно связано с вопросами модернизации. Здесь глобализация осуществляется как «глокализация» — как в значительной мере адаптация глобального к локальному уровню страны. Вместе с тем существует и другой аспект китайской культурной глобализации. Один из китайских исследователей пишет: «Практика культурной глобализации в Китае за последние несколько десятилетий показала, что глобализация культуры является таким же культурным конст-

руктом, как ее предшественники, модернизм и постмодернизм... Мы продолжим приносить западную культуру в Китай; вместе с тем мы будем продвигать китайскую культуру на Западе и во всех других странах» (Wang, 2015: 2065–2066). Это вариант того, что в упомянутой книге «Многоликая глобализация» названо «альтернативной моделью современности», т. е. попыткой произвести модель из незападного центра и распространить ее в мире. Другое название для этого процесса глобального влияния стран Азии на другие регионы мира — *истернизация* или *овосточнивание*. Бурное развитие китайской модернизации оказывает влияние на восточных соседей и учитывается в развитии стран других регионов. Китайцы безудержно осваивают Африку, даже ее опасные регионы, обучают тысячи африканских студентов и осуществляют свой проект глобализации и влияния китайской культуры во множестве стран этого континента.

Инновационность китайской модернизации состоит в том, что она продвигает китайские проекты развития, хотя при этом ей не всегда удается продвинуть китайскую культуру не как анклав в другой стране, а в качестве образца для заимствования другими народами. Это означает, что новая модель модернизации не имеет преобладающего догоняющего характера. Их аспект «догоняющей модернизации» (мы намеренно ставим кавычки) состоит не в том, что они догоняют Запад или Россию, а в том, что они догоняют некоторые показатели или индикаторы развития других стран, т. е. конструируют свою модель модернизации. При этом многое берется с Запада и из России, но локализуется, т. е. приспособляется к местным культуре и условиям. Это очень важное утверждение, которое показывает культуру, глобализацию, модернизацию и постмодернизацию как продукты деятельности людей, причем не только теоретической, но и практической, находящей эквиваленты указанным теоретическим положениям. Способность людей в большей мере конструировать социальную реальность сегодня является чертой той стадии модерна, которую я называю «новое Новое время для незападных стран» (Федотова В., Колпаков, Федотова Н., 2008: 536–558).

Я уже однажды сравнивала методологию китайских реформ с известной в социологии теоремой Томаса, которая звучит следующим образом: «Если нечто принято за реальность, оно реально в своих последствиях» (см.: Федотова, 2012; Буров, Федотова, 2007). Сегодня у Китая можно поучиться отношению к культуре. Китайцы проводят политику «интеграции досуга и традиционного культурного развития», которая является попыткой совместить повседневную жизнь китайцев с «очищенной и санкционированной правительством версией китайской культуры» (The Communist Party ... , 2017: Электронный ресурс). Кроме того, в апреле этого года правительство решило развивать культурные индустрии, превратив их в опору экономики. Культурное наследие Китая включено в его политику по отношению к миру, поскольку официальной целью страны провозглашено построение «социалистической культурной сверхдержавы» (там же).

Приведу классификацию стран Юго-Восточной Азии конца 1990-х годов вьетнамского исследователя Л. В. Хая, когда-то докторанта Института философии РАН, а сегодня директора Института изучения человека во Вьетнаме, согласно которой можно выделить четыре группы стран на основе уровня развития, скорости роста экономики и технологических инноваций, среднего дохода на душу населения.

1. Япония, ставшая первым модернизированным обществом Востока.
2. Страны НИС (новые индустриальные страны) первого поколения — Южная Корея, Гонконг, Тайвань и Сингапур. Эти страны особенно быстро развиваются в течение трех десятилетий и стали известны под именем «тигров» или «драконов» Азии.

3. Страны НИС второго поколения — группа стран Юго-Восточной Азии — Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины. Скорость их развития ниже, чем у «тигров», но отличается высокой скоростью и стабильностью.

4. Остальные страны Юго-Восточной Азии, включая Северную Корею, Китай, Вьетнам, Лаос, Камбоджу (см.: Хай, 1998).

В приведенной классификации Китай выделен как низкий по уровню развития наряду с Вьетнамом, но сегодня не только Китай, но и Вьетнам и некоторые другие азиатские страны не помещаются в рубрику «остальные страны». Этот пример говорит о том, как быстро может измениться ситуация. В данном случае это произошло благодаря глобализации, распространению глобального рынка на эти страны и их способности как торговых наций воспользоваться ситуацией.

Упомяну позицию А. В. Хая, обобщенную им по-русски на основе его книг на вьетнамском языке, вышедших за последние 10 лет. В числе главных задач Вьетнама выделяются следующие: центральное значение модернизации для вьетнамского общества, нахождение ответов на вызовы модернизации. Им предложена модель ускоренной модернизации в условиях научно-технической революции, особенностями которой являются учет культурной специфики Вьетнама, «открытые двери», демократизация, стабильность общества, логика гармонического отношений государства и рыночной экономики, развитие человеческих ресурсов и пр. В своих книгах он утверждает, что социальная справедливость — это движущая сила модернизации. Он показывает, что в процессе модернизации страны должны не только защищать окружающую среду, но и улучшать ее.

Специфика вьетнамской модернизации после победы в войне с США состоит в том, что народ разделяет стремление и планы руководства. Общество солидарно, имеет общие ценности, культурно достаточно гомогенно и оптимистично. Азиатские успехи во многих странах обусловлены солидарностью властей и народа в процессе развития, отсутствием конфликта элит и масс. В книге Дж. Уоррена, посвященной культурам развития, сам заголовок уже показывает, что модернизация стран одного уровня развития может происходить по-разному в связи с опорой на собственную культуру (Warren, 2017). Кроме того, он считает, что попытка догоняющей модернизации может не привести к успеху в развивающихся странах. Он сравнивает опыт модернизации Бразилии и Вьетнама, отмечая, что, хотя исходная экономическая ситуация в Бразилии была лучше и Бразилия пошла по пути догоняющей Запад модернизации, ей не удалось осуществить это. Причина была в том, что Бразилия следовала модели чужой (западной) культуры и не адаптировала ее к локальным условиям. Элита Бразилии надеялась сделать страну *западной*, раскол элиты и народа не дал возможности осуществить этот проект. В отличие от Бразилии Вьетнам, по мнению автора книги, понимая традиции своего общества, адаптирует к *вьетнамским* условиям и культуре чужие модели. Вьетнам использует заимствование чужих моделей развития, поверяя их пригодность способностью быть внедренными во вьетнамское общество и культуру. Как показывает Дж. Уоррен, Вьетнам живет в своей культуре и рассматривает ее как источник и потенциал дальнейшего развития. Бразильские элиты считают западные модели идеальными, но когда их не удается реализовать, то они обвиняют в этом бразильцев, не способных вырваться из своих сложившихся социокультурных образцов. Во Вьетнаме же, напротив, в случае неудачи будет обвинена примененная модель (Warren, 2017).

ГЛЯДЯ ИЗ БУДУЩЕГО

Немецкий историк А. Ассман в своей книге «Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна» показала, что будущее не выбрасывает прошлого, а ассимилирует его, устраняя вместе с тем многие его результаты или находя их имплицитно встроенными в настоящее (Ассман, 2017). Однако меня ее взгляд заинтересовал с другой точки зрения, высказанной С. П. Курдюмовым, Е. Н. Князевым и В. С. Степиным. С точки зрения синергетики они обнаружили и другую связь влияния будущего на прошлое и настоящее. Они рассмотрели эту обратную связь на материале естественных наук.

На мой взгляд, для культуролога, социального теоретика и историка сегодня имеет значение будущее, которое способно участвовать в восприятии не только настоящего, но и прошлого. Будущее конструируется, но и при этом открыть его нелегко: «...вместо планомерных поисков — движение на ощупь, случайные или попутные находки, увиденные нередко периферическим зрением где-то в стороне» (там же: 6). Примерами конструирования будущего являются концепции модерна и модернизации, основанные на устремлении в будущее или (как у Ассман) в будущее время. Ассман полагает: «...центральное место в темпоральном режиме Модерна занимает эмфатическая ориентация на будущее, которая сопровождается обесцениванием прошлого и традиции. Этой абстрактной констатацией характеризуется идейно исторический поворот, который происходил в истории не единожды, а совершался снова и снова, причем в различных исторических условиях и весьма разнообразных формах... Однако существует ряд соображений в пользу необходимости заменить собирательное множественное число понятия “модерн” плюрализмом “этапов модернизации”, которые неоднократно повторялись в различных исторических условиях. Поэтому модернизация понимается здесь не как уникальный исторический поворот и тем более не как нарратив, а скорее в качестве энергетического импульса, который присутствует в системе западной культуры (а сегодня и во многих незападных. — В. Ф.), сбавывая вновь и вновь в различных рамочных условиях и приводя всякий раз к иным последствиям» (там же: 74–75). При этом устремленность модернизации в будущее не лишает ее способности понимания и усвоения многого из прошлого и настоящего. Но экспансия будущего представляется столь очевидной людям нашего времени, что Ассман выделяет ее в одну из культурных черт современности. Более того, «будущее толкует нас» вместо прежней формулы «прошлое толкует нас».

Методологически это важный поворот, при котором воображаемые культурные факторы, идентичности и образы строятся не только для существования в настоящем и понимании прошлого, но и для будущего социального мира, как бы исходя из ожиданий от будущего. Эта методология еще только в начале пути и имеет больше успехов в физике и в технических инновациях, чем в ценностях и конструировании общества. Но она становится все более приемлемой: сегодня тема будущего для строительства настоящего и понимания прошлого начинает приобретать большую отчетливость. Чтобы это не показалось преувеличением, приведу также мысль из известной книги английского историка Э. Хобсбаума об изобретении традиций, которое дает возможность из будущего изменить прошлое. Он пишет: «“Изобретенная традиция” — это совокупность общественных практик ритуального или символического характера, обычно регулируемых с помощью явно или неявно признаваемых правил; целью ее является внедрение определенных ценностей и норм поведения, а средством достижения цели — повторение. Последнее автоматически предполагает прием-

ственность во времени. И действительно, всюду, где это возможно, такие практики стараются обосновать свою связь с подходящим историческим периодом» (Хобсбаум, 2000: 48). Иными словами, речь идет о том, что, планируя настоящее и будущее, мы реконструируем прошлое, создавая традиции, соответствующие нашим новым планам. Мысль о влиянии будущего на прошлое обретает вполне зримые очертания, связанные с переосмыслением прошлого, появлением новых его оценок. Эту методологию можно назвать «глядя из будущего».

Для России, которая сейчас переосмысливает прошлое в весьма конфронтационной форме, был бы важен такой взгляд из будущего, который дал бы возможность определить, ориентируясь на культурные и прочие достижения России, конкретные перспективы ее будущего. Отметим, что такие попытки нами уже предпринимались ранее (Круглый стол ... , 2011; Меняющаяся ... , 2012). Сегодня нам приходится говорить о перспективах, а не о перспективе в силу нарастания нелинейности развития и несформулированного образа будущего. Обществу важно понимать, какой оно хочет видеть Россию. Но сегодня существуют культурные, политические, идеологические различия и конфронтации, которые пока не привели к ответу на этот вопрос. Однако эта ориентация на будущее включает в себя связь с прошлым и настоящим.

В России имеется много действующих архаических начал культуры, которые она пытается преодолеть. В интересной книге Ч. К. Ламажаа «Архаизация общества. Тувинский феномен» показано, что архаика может сыграть свою роль в трансформации общества. Ею исследовано несколько путей архаизации в постсоветской Туве: экономическая архаизация (собственность, богатство, труд), культурная архаизация («за Саянами» и «тувинское время»), социальная архаизация, политическая архаизация (клановость во власти) и региональные модели архаизации. Автор рассматривает архаизацию как феномен, который сходен с общероссийскими процессами тем, что быстрые изменения в жизни, связанные с модернизацией, нередко возвращаются к архаике (Ламажаа, 2013), ибо культурные условия порождают архаику в большей мере, чем модернизационный процесс. Это нельзя расценить только как отказ от модернизации. Глубинные структуры культуры, особенно в архаических обществах — африканских, латиноамериканских, некоторых регионах России, сопротивляются изменениям, сущность которых они не понимают или которые не хотят принять. Иногда использование архаики является приемом для того, чтобы побудить к культурно-модернизационным изменениям. На наш взгляд, архаика удерживает тувинское общество в границах традиционной культуры и позволяет ему развиваться в сторону современности без сломов и катастроф.

Непарадоксальность подобного вывода раскрыта российским исследователем А. А. Аузаном как в общем виде, так и на примере отдельных стран, в частности России. По его мнению, «в разных странах при модернизациях приходится находить разные ключи к тому, как применить традиционное для движения вперед» (Аузан, 2017: Электронный ресурс). Таким ключом может стать так называемый промежуточный институт — «неидеальный» с точки зрения стандарта того, как должны выглядеть институты в развитой стране» (там же). Такой институт являет собой «не только наше желание обустроить определенным образом экономику или политическую жизнь, но должен учитывать и те ограничения и темпы процессов, которые идут в стране» (там же). Примером, по его мнению, являлся институт земства — «вертикально выстроенный институт гражданского общества, который учитывал наличие и сословной иерархии, и самодержавной власти, но при этом представлял собой важный элемент

развития, плоды которого мы видим не только в призрачной социокультурной сфере, но и вполне материально, как до сих пор существующие земские школы и больницы». А в Южной Корее клановость была использована в качестве «промежуточного института» (там же). Определение промежуточных институтов дал В. М. Полтерович, понимающий их как институты, работоспособные при имеющихся ограничениях, в том числе вызванных социокультурными обстоятельствами, и способствующих ослаблению этих ограничений, что создает условия для дальнейших преобразований (Социокультурные факторы, 2017: Электронный ресурс).

Заметим, что Запад не имел образца, который нужно было догнать, и поэтому двигался в направлении модернизации с помощью шагов, не всегда последовательных, но приведших его к сегодняшнему результату. Так, демократия (если говорить о политической культуре), которая провозглашалась изначально целью западных обществ, достигалась ими поэтапно. В XIX в. в США речь шла только о белых мужчинах. В XX в. в результате борьбы за гражданские и избирательные права демократические права получили женщины и афроамериканцы. Сегодня в западных странах ради усиления и распространения демократии даются права ЛГБТ-сообществу, а в западной политической повестке большую роль получают права коренных народов. То есть мы видим, что, ставя задачу демократизации, западные общества решают ее, идя шаг за шагом, выбирая достижимые на данный момент цели модернизации, адекватные существующей культуре. То есть модернизация Запада достигалась часто путем строительства «промежуточных институтов», несовершенных, но пытающихся решить какую-то задачу на основе существующих ценностных представлений.

Методологически чрезвычайно важно, что применяемый А. А. Аузаном и В. М. Полтеровичем подход, подразумевающий строительство «промежуточных институтов» не требует немедленного рывка вперед — например, от социализма к капитализму. И эксперимент, проведенный с распадом социализма в СССР и немедленным объявлением капиталистического будущего, оказался грубо и неустойчиво сформулированной доктриной, помешавшей этому переходу. Культурные основания России не были учтены и в очередной раз революционно оборваны, порождая формы дикого капитализма и бескультуры, которые подорвали имидж России, привели ко многим разрушениям и отбросили ее в цивилизационном плане.

Следуя этой повестке дня, авторы доклада «Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ» показывают, что «знание социокультурных особенностей жителей той или иной территории, учет факторов социокультурного разнообразия позволяют осуществлять “тонкую настройку” реформ, дают возможность разрабатывать нестандартные институциональные решения, предназначенные для преодоления “институциональных ловушек”, решения “проблемы колеи” и вывода экономики на устойчивую траекторию развития» (там же). При построении промежуточных институтов особенно важно иметь образ будущего страны. Он нужен для того, чтобы получить вектор развития, в том числе и в сфере культуры. Оценка событий прежней истории может быть пересмотрена с точки зрения нового настоящего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно заключить, что глобализация проявила себя самым различным образом в отношении стран, вступивших в нее. Социокультурные основания вошедших в этот процесс обществ в значительной мере оказались мерилом ее успешно-

сти или неуспешности. Несмотря на этот очевидный вывод, исследователи разных направлений (гиперглобалисты, трансформационалисты, скептики) имеют разные позиции по данному вопросу. Глобализация показала серьезные трудности в нахождении своего места в ней для многих стран. В этих условиях произошел новый поворот к модернизации, но не как догоняющей Запад, а как адекватной социокультурной специфике стран.

В статье проанализирована роль социокультурных факторов в модернизационном развитии стран Азии, включая Китай и Вьетнам. Дан концептуальный анализ отношений «настоящего», «прошлого» и «будущего», который применен к некоторым из указанных стран, а также к России. Проанализирована концепция промежуточных институтов В. М. Полтеровича и А. А. Аузана и перспективность ее применения в России и других странах на основе адекватности социокультурной специфике разных стран. Рассмотрена возможность построения «промежуточных институтов» на основе введения концепта «будущее».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арриги, Дж. (2009) Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М. : Институт общественного проектирования. 456 с.

Ассман, А. (2017) Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М. : Новое литературное обозрение. 272 с.

Аузан, А. (2017) Промежуточные институты. Почему в России нельзя построить все сразу [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/commentary/73216> (дата обращения: 27.08.2017).

Буров, В. Г., Федотова, В. Г. (2007) Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. №5. С. 7–20.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Архаизация общества: Тувинский феномен. М. : Книжный дом «Либроком». 272 с.

Круглый стол журнала «Полис». Федотова В. Г., Пантин И. К., Колпаков В. А., Федотова Н. Н., Сиземская И. Н., Денисов В. В., Королев С. А., Олейников Ю. В., Крылова И. А., Канарш Г. Ю., Власова В. Б., Шарнаускене Т. В., Любимцев К. В., Кузнецов Д. А., Петренко Н. С., Рябушкина И. Б., Жукова Э. Н., Веряскина В. П. Меняющаяся социальность: контуры будущего (Часть I) (2011) // Политические исследования. №1. С. 97–121.

Меняющаяся социальность: контуры будущего (2012) / отв. ред. В. Г. Федотова. М. : ИФ РАН. 267 с.

Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире (2004) / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М. : Аспект Пресс. 382 с.

Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ (2017) [Электронный ресурс] // Центр стратегических разработок. URL: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf> (дата обращения: 17.08.2017).

Федотова, В. Г. (1997) Модернизация «другой» Европы. М. : ИФ РАН. 255 с.

Федотова, В. Г. (2011) Единство и многообразие культур в условиях глобализации // Вопросы философии. №9. С. 43–53.

Федотова, В. Г. (2012) Теорема Томаса китайской модернизации // Вопросы философии. №6. С. 17–22.

Федотова, В. Г. (2016) Модернизация и культура. М. : Прогресс-Традиция. 336 с.

Федотова, В. Г., Колпаков, В. А., Федотова, Н. Н. (2008) Глобальный капитализм: три великие трансформации. М. : Культурная революция. 608 с.

Фридман, Т. (2006) Плоский мир: Краткая история XXI века : пер. с англ. М. : АСТ ; АСТ Москва ; Хранитель. 601 с.

Фукуяма, Ф. (2004) Конец истории и последний человек : пер. с англ. М. : АСТ: Ермак. 588 с.

Хай, Л. В. (1998) Теория и практика модернизаций стран Восточной и Юго-Восточной Азии. М. : ИФ РАН. 312 с.

Хелд, Д., Гольдблатт, Д., Макгрю, Э., Пerratон, Дж. (2004) Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура. М. : Праксис. 576 с.

Хобсбаум, Э. (2000) Изобретение традиций // Вестник Евразии. №1. С. 47–62.

Naisbitt, J., Naisbitt, D. (2010) *China's Megatrends: The 8 Pillars of a new Society*. N. Y. : Harper Business. 272 p.

The Communist Party is redefining what it means to be Chinese. And is glossing over its own history of mauling Chinese culture (2017) [Электронный ресурс] // Economist. 17 августа. URL: <https://www.economist.com/news/china/21726748-and-glossing-over-its-own-history-mauling-chinese-culture-communist-party-redefining> (дата обращения: 15.08.2017).

Wang, N. (2015) Globalisation as Glocalisation in China: a New Perspective // *Third World Quarterly*. Vol. 36. No. 11. P. 2059–2074.

Warren, J. (2017) *Cultures of Development: Vietnam, Brazil and the Unsung Vanguard of Prosperity*. N. Y. : Routledge. 140 p.

Дата поступления: 13.09.2017 г.

GLOBALISATION AND MODERNIZATION: THE CULTURE FACTOR

V. G. FEDOTOVA

INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The paper is devoted to the analysis of the culture factor in the national models of modernization of non-western countries. The appearance of not similar but different – adequate to the countries' culture (of China, Vietnam, Singapore, Russia, and others) – models is considered to be a consequence of globalisation, which was unable to overcome the cultural differences of the societies. This cancelled the initial interpretation of globalisation as a model of catching up with the West. That very process revealed the deep archaisms of many countries alongside their intentions of modernizing.

The paper provides a brief review of modernizing changes in Asian countries (China, Vietnam, and others). The study of Russia follows the interpretation of modernization as a process that is guided not only by the past and present, but also by the future. This new interpretation of modernization as a process that stems from the goals of future development that are contained in different communities' cultures, is theoretically heuristic and practically efficient in the theory and practice of implementation of modernization processes for different countries. According to the author, it corresponds to a certain extent to the position of A. A. Auzan and V. M. Polterovich involving the creation of “intermediate institutions” and programmes, which utilise the implication of culture and can gradually enhance societies, “looking back from the future”.

Keywords: Asian countries; globalisation; culture factor; modernization; national cultures; social development; Russia

REFERENCES

Arrigi, Dzh. (2009) *Adam Smit v Pekine: Chto poluchil v nasledstvo XXI vek*. Moscow, Institut obshchestvennogo proektirovaniia. 456 p. (In Russ.).

Assman, A. (2017) *Raspalas' sviaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 272 p. (In Russ.).

Auzan, A. (2017) *Promezhutochnye instituty. Pochemu v Rossii nel'zia postroit' vse srazu. Moskovskii tsentr Karnegi* [online] Available at: <http://carnegie.ru/commentary/73216> (access date: 27.08.2017). (In Russ.).

Burov, V. G. and Fedotova, V. G. (2007) *Kitaiskii opyt modernizatsii: teoriia i praktika. Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 7–20. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) *Arkhaizatsiia obshchestva: Tuvinskii fenomen*. Moscow, Knizhnyi dom «Librokom». 272 p. (In Russ.).

Kruglyi stol zhurnala «Polis». Fedotova V. G., Pantin I. K., Kolpakov V. A., Fedotova N. N., Sizemskaja I. N., Denisov V. V., Korolev S. A., Oleinikov Iu. V., Krylova I. A., Kanarsh G. Iu., Vlasova V. B., Sharnauskene T. V., Liubimtsev K. V., Kuznetsov D. A., Petrenko N. S., Riabushkina I. B., Zhukova E. N., Veriaskina V. P. *Meniaiushchaisia sotsial'nost': kontury budushchego* (Chast' I) (2011). *Politicheskie issledovaniia*, no. 1, pp. 97–121. (In Russ.).

Meniaiushchaisia sotsial'nost': kontury budushchego (2012) / ed. by V. G. Fedotova. Moscow, IF RAN. 267 p. (In Russ.).

Mnogolikaia globalizatsiia. Kul'turnoe raznoobrazie v sovremennom mire (2004) / ed. by P. Berger and S. Khantington. Moscow, Aspekt Press. 382 p. (In Russ.).

Sotsiokul'turnye faktory innovatsionnogo razvitiia i uspeshnoi implementatsii reform (2017). *Tsentral'nye strategicheskie razrabotki* [online] Available at: <http://csr.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf> (access date: 17.08.2017). (In Russ.).

Fedotova, V. G. (1997) *Modernizatsiia «drugoi» Evropy*. Moscow, IF RAN. 255 p. (In Russ.).

Fedotova, V. G. (2011) Edinstvo i mnogoobrazie kul'tur v usloviakh globalizatsii. *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 43–53. (In Russ.).

Fedotova, V. G. (2012) Teorema Tomasa kitaiskoi modernizatsii. *Voprosy filosofii*, no. 6, pp. 17–22. (In Russ.).

Fedotova, V. G. (2016) *Modernizatsiia i kul'tura*. Moscow, Progress-Traditsiia. 336 p. (In Russ.).

Fedotova, V. G., Kolpakov, V. A. and Fedotova, N. N. (2008) *Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii*. Moscow, Kul'turnaia revoliutsiia. 608 p. (In Russ.).

Fridman, T. (2006) *Ploskii mir: Kratkaia istoriia XXI veka* : transl. from Engl. Moscow, AST; AST Moskva; Khranitel'. 601 p. (In Russ.).

Fukuiama, F. (2004) *Konets istorii i poslednii chelovek* : transl. from Engl. Moscow, AST, Ermak. 588 p. (In Russ.).

Khay, L. V. (1998) *Teoriia i praktika modernizatsii stran Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Azii*. Moscow, IF RAN. 312 p. (In Russ.).

Khel'd, D., Gol'dblatt, D., Makgriu, E. and Perraton, Dzh. (2004) *Global'nye transformatsii: Politika, ekonomika, kul'tura*. Moscow, Praksis. 576 p. (In Russ.).

Khobsbaum, E. (2000) Izobretenie traditsii. *Vestnik Evrazii*, no. 1, pp. 47–62. (In Russ.).

Naisbitt, J. and Naisbitt, D. (2010) *China's Megatrends: The 8 Pillars of a new Society*. N. Y., Harper Business. 272 p.

The Communist Party is redefining what it means to be Chinese. And is glossing over its own history of mauling Chinese culture (2017). *Economist*, 17 Auguste [online] Available at: <https://www.economist.com/news/china/21726748-and-glossing-over-its-own-history-mauling-chinese-culture-communist-party-redefining> (access date: 15.08.2017).

Wang, N. (2015) Globalisation as Glocalisation in China: a New Perspective. *Third World Quarterly*, vol. 36, no. 11, pp. 2059–2074.

Warren, J. (2017) *Cultures of Development: Vietnam, Brazil and the Unsung Vanguard of Prosperity*. N. Y., Routledge. 140 p.

Submission date: 13.09.2017.

Федотова Валентина Гавриловна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии, руководитель научного семинара «Социальная философия и развитие гражданского общества в России» Института философии Российской академии наук. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: val_fedotova@mail.ru

Fedotova Valentina Gavrilovna, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Research Fellow, Sector of Social Philosophy, Head of Research Seminar, “Social Philosophy and Development of Civil Society in Russia”, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12, Bldg. 1, Goncharnaya St., Moscow, Russian Federation 109240. Tel.: +7 (495) 697-98-93. E-mail: val_fedotova@mail.ru